

**ВОКРУГ
ИЖЕВСКО-
ВОТКИНСКОГО
ВОССТАНИЯ
1918 г.**

Книга
с автографом
автора

ISSN 1994-5698

ИДНАКАР:
МЕТОДЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ
РЕКОНСТРУКЦИИ

Научный журнал

2017, № 2 (35)

**ВОКРУГ
ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКОГО
ВОССТАНИЯ**

*ЦБС Ижевск
об издательств
И*

Ижевск
2017

УДК 30(06)
ББК 63.3
И 296

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. Л. БЕХТЕРЕВ, доктор исторических наук (главный редактор);
Д. В. РЕПНИКОВ, кандидат исторических наук (ответственный секретарь);
С. К. БЕЛЫХ, кандидат исторических наук, доцент;
П. Н. ДМИТРИЕВ, кандидат исторических наук, доцент;
И. Л. ЖЕРЕБЦОВ, доктор исторических наук;
А. В. КОРОБЕЙНИКОВ, профессор РАН;
Л. Д. МАКАРОВ, доктор исторических наук;
Н. В. МИТЮКОВ, доктор технических наук, доцент;
Р. Ш. НАСИБУЛЛИН, доктор филологических наук, доцент;
В. А. ЧИРКИН, доктор исторических наук, доцент;
В. С. ЧУРАКОВ, кандидат исторических наук.

Отв. ред. и сост.: Д. В. РЕПНИКОВ, А. В. КОРОБЕЙНИКОВ.

Издатель: А. В. КОРОБЕЙНИКОВ.

И 296

Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: научно-практический журнал: Вокруг Ижевско-Воткинского восстания. - 2017. - № 2 (35). - 252 с.

ISSN 1994-5698

Журнал предназначен для преподавателей, краеведов, историков, археологов, лингвистов, культурологов и представителей других специальностей, интересующихся вопросами историко-культурной реконструкции, аспирантов и студентов, музейных работников.

Авторы опубликованных статей самостоятельно несут ответственность за достоверность представленных сведений и законность использования источников. Выражаемые ими точки зрения могут не совпадать с мнением редколлегии и редакторов номера, и не компрометируют наше издание в целом.

Периодичность выхода журнала: не менее двух номеров в год.

Для получения журнала по почте обратитесь к издателю: alexeika1961@yandex.ru или в интернет-магазин «Книги Удмуртии»: www.ludm.ru

Электронный архив номеров журнала представлен на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=33940

188Ы 1994-5698

УДК30(06)
ББК 63.3

© Авторы (постатейно), 2017

О Д. В. Репников, А. В. Коробейников (оригинал-макет), 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Трещев В. С.* Судьбы участников Ижевско-Воткинского восстания по фондам ЦДНИ УР..... 5
- Кочин Г. А.* Православный Глазов в 1918-1919 гг..... 12
- Волкова Л. А.* Из истории Глазовского педагогического института периода революции и гражданской войны..... 22
- Болотина Д. И.* Орден святителя Николая Чудотворца: история и современность..... 30

СООБЩЕНИЯ

- Перевозчикова С. А.* Гражданская война глазами археолога..... 42
- Казаков Д. Н.* Священник из окружения Колчака..... 49
- Простнев С. К.* Дело воткинца Мокина из хабаровского архива..... 53

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- Корепанов М. Г.* Первая мировая и гражданская войны в воспоминаниях жителей Игринского района Удмуртии..... 57
- Коробейников А. В., Натарова Н. В.* История ижевского «харбинца» Коротаева..... 83
- Селивановский С. Я., Шестаков В. Б.* Ижевцы в Америке..... 98

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

- Дмитриев П. Н., Коробейников А. В. Бойцов В. Э.* Воспоминания И. С. Бойцова о подавлении восстания в Ижевско-Воткинском районе 114
- Патрушев В. Г., Коробейников А. В.* Воспоминания и биография эсера-максималиста Федора Кокоулина..... 151

Коробейников А. В. Удмуртия накануне Великой Русской революции по справочно-статистическим данным Вятской губернской полиции..... 158

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Лаптинский В. В. Мои предки и восстание..... 230

Простнев С. К. Паломник по пути Боткинской дивизии..... 233

ХРОНИКА И ИНФОРМАЦИЯ

Бехтерев С. Л. «Иднакар»: люди, события, факты (к 10-летию журнала)..... 237

Коробейников А. В. Очередные задачи для авторов и читателей нашего журнала..... 244

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ..... 249

Дмитриев П. Н., Коробейников А. В., Бойцов В. Э. Воспоминания И. С. Бойцова о подавлении мятежа в Ижевско-Воткинском районе // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: науч.-практ. журнал: Вокруг Ижевско-Воткинского восстания. – 2017. – № 2 (35). – С. 114–150. –
Режим доступа: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=33940

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

П. Н. Дмитриев, А. В. Коробейников

г. Ижевск

В. Э. Бойцов

г. Москва

ВОСПОМИНАНИЯ И. С. БОЙЦОВА О ПОДАВЛЕНИИ МЯТЕЖА В ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКОМ РАЙОНЕ¹

Предисловие

Имя Ивана Степановича Бойцова (1893–1961) знакомо всякому, кто интересуется историей Удмуртии начала XX в. Это имя часто встречается в документах того сложного и противоречивого периода, поскольку он был причастен ко многим важнейшим событиям. Но в качестве писателя-мемуариста И. С. Бойцов пока не был широко известен. Между тем, еще в начале 1930-х гг. он занимался написанием книги воспоминаний и даже составил ее примерный план. К сожалению, выполнить задуманное в полном объеме ему не удалось, но наиболее памятные события локальной истории Иван Степанович тогда положил на бумагу.

Самый ранний из дошедших до нас фрагментов воспоминаний датирован августом 1932 г., когда автор — слушатель Промышленной академии им. И. В. Сталина был на каникулах. Фрагмент представляет собой текст на 26 листах, который отпечатан на машинке. К нему приложен упомянутый рукописный план-конспект задуманной книги под названием «рассказы о гражданской войне». Тут же имеются копии воззваний к участникам мятежа в Ижевско-Воткинском районе и иные документы. Вдумчивое прочтение этих текстов убеждает в том, что они содержат данные, которые дополняют и расширяют текст мемуаров².

¹ Предисловие и комментарий написал П. Н. Дмитриев. Биографию И. С. Бойцова написал владелец архива — В. Э. Бойцов. Рукопись к публикации подготовил А. В. Коробейников.

² В наших планах — издание полной версии материалов И. С. Бойцова. (*Прим. издателя*).

Безусловно, публикуемые воспоминания не свободны от литературных огрехов и шероховатостей, ибо написаны они не профессиональным литератором. Но в целом, для них характерен ясный и логичный стиль изложения. К особенностям данной рукописи надо отнести и наличие авторской правки и уточнений на полях. Видно, что Бойцов неоднократно возвращался к работе над текстом.

Несмотря на то, что рукопись озаглавлена «Воспоминания о гражданской войне», в ней есть более ранний хронологический раздел, из которого мы узнаем о жизни автора до его приезда в Ижевск в июле 1916 г. Здесь мы видим колоритную характеристику темных сторон быта жителей этого крупнейшего уральского заводского поселка. Здесь же имеются и весьма содержательные, но краткие заметки о малоизвестных событиях политической жизни Ижевска между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г.

Но все же, основной объем публикуемого мемуара посвящен рассказу о наиболее трагической странице истории нашего края: борьбе с Ижевско-Воткинскими повстанцами в период с августа по ноябрь 1918 г. И особенно ценно то, что автор был непосредственным ее участником.

Наиболее ценной особенностью воспоминаний И. С. Бойцова является то, что он предельно искренне, и, я бы даже сказал, бесстрашно запечатлевает события тех дней и не пытается замолчать или обойти негативные моменты. Это, безусловно, делает ему честь и придает воспоминаниям документальную достоверность. Прежде всего, это относится к передаче без приукрашивания и лакировки психологии и мотивов участников событий гражданской войны. Одновременно это вносит весьма существенные коррективы в существующее, весьма примитивное и политизированное представление о большевиках как о монолитной ленинской гвардии.

Вместе с тем, и абсолютизировать публикуемый текст нельзя; надо помнить о некотором субъективизме автора, ибо он наблюдал описываемые события с позиций рядового их участника. Кроме того, произведениям мемуарного жанра всегда свойственны хронологические и географические ошибки, ибо автор не всегда имеет возможность перепроверить свои воспоминания по архивным источникам. Тем не менее, чтение данной рукописи будет для историка и краеведа познавательным и интересным. Для удобства читателя мы снабжаем текст небольшим словариком персоналий, которые упомянуты И. С. Бойцовым.

Воспоминания, публикуемые в авторской редакции, были предоставлены нам куратором музея Ижевска Мариной Борисовной Рупасовой, которой мы выражаем глубокую благодарность. В свою очередь, она получила их и публикуемые фотографии от внука автора — Владимира Эмильевича Бойцова, проживающего в г. Москве. Текст был набран со сканов Н. И. Клабуковой и умеренно нормализован А. В. Коробейниковым.

Краткая биография И. С. Бойцова

И. С. Бойцов родился 24 октября 1893 г. в д. Большая Каменка Залужской волости, Весьегонского уезда, Тверской губернии в крестьянской семье.

В 1910–1915 гг. — рабочий Путиловской верфи. Участник всех забастовок на верфи в 1912–1915 гг.

В сентябре 1915 г. мобилизован в армию. В июне 1916 г. был откомандирован на Ижевский оружейный завод как рабочий-специалист.

Активный участник Февральской буржуазной и Октябрьской социалистической революций.

Член РСДРП(б) с мая 1917 г. В Ижевске состоял членом боевой дружины большевиков, членом Бюро Горкома с 1918 по 1923 г., членом Военно-Революционного Трибунала, членом Ижевского Военно-Революционного Комитета, Председателем Чрезлессовещания по снабжению Ижевских заводов топливом.

Участник подавления Ижевского восстания в 1918 г.

Член Эвакуационной комиссии по эвакуации Ижевских заводов в период наступления Колчака в 1919 г.

В 1920 г. был послан Промвоенсоветом на Туркестанский фронт, назначен председателем комиссии по проверке вооружения фронта. (Имеет благодарность от командующего фронтом т. М. В. Фрунзе).

В первой половине 1920-х гг. находился на различных руководящих должностях по восстановлению и реорганизации заводов: Ижевского, Симбирского, Златоустовского, Тульского, Таганрогского авиазавода, Люберецкого завода сельхозмашин.

В 1930 г. — слушатель Всесоюзной Промакадемии им. т. Сталина в г. Москве.

С 1934 г. — начальник планово-производственного отдела авиазавода им. Баранова, г. Запорожье.

В 1937 г. был арестован Запорожским отделом НКВД, репрессирован. Отбывал срок в тюрьмах Запорожья, затем в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН), позже был переведен в НОРИЛЬЛАГ. Реабилитирован в 1941 г. и освобожден из-под стражи.

С 1941 по 1949 г. — главный инженер, начальник производственно-технического отдела, главный механик завода Башенных Кранов в г. Москве.

В 1956 г. окончательно реабилитирован КПК при ЦК КПСС.

Семейное положение: был женат на В. Е. Бойцовой (Тихоновой), уроженке г. Ижевска. Дети: Бойцовы Эмиль, Ирина, Анатолий, Юлий.

Умер 1 апреля 1961 г.

Награды: Медаль «За оборону Москвы» (1944), Медаль «За доблестный труд» (1947), Знак «Отличник местной промышленности РСФСР» (1947).

Информация о владельце архива

Бойцов Владимир Эмильевич (внук).

Родился 19 февраля 1954 г. в г. Санкт-Петербург.

В 1978 г. закончил МГАХИ им. В. И. Сурикова. Мастерская монументальной живописи.

Художник-монументалист, член Союза художников, Заслуженный художник России.

Один из руководителей коллективов художников по восстановлению росписей Храма Христа Спасителя, в г. Москве.

Участник различных художественных выставок.

Участник разработок интерьера посольства России в Республике Куба (Гавана) и интерьера Российского культурного центра в Берлине.

Расшифровка и печатание воспоминаний Е. В. Бойцова.

Действующие лица описываемых событий

(в порядке упоминаний в публикуемом тексте воспоминаний)

1. Мерзляков Ф. С. Социал-демократ, один из лидеров Ижевской организации РСДРП, по некоторым данным, был завербован политической полицией.

2. Жданов Георгий Михайлович. Рабочий сталелитейной мастерской Ижевского завода, член Совета. В августе — начале сентября 1917 г. — меньшевик-интернационалист.
3. Васильев В. (?) Работник поверочной мастерской Ижевского завода. Член Ижевского Совета. На начало 1917 г. — меньшевик.
4. Сосулин Аполлон Иванович. (1884(85?) — 04.03.1918) Из рабочих, меньшевик, член ВЦИК Первого созыва. Застрелен в Ижевске неизвестными. Подозрение пало на эсеров-максималистов, но вина их не была доказана.
5. Пастухов Иван Дмитриевич (1887–1918) Из рабочих, лидер ижевских большевиков. Член ЦИК Второго созыва и Учредительного собрания. Казнен повстанцами.
6. Терентьев. Автор ошибочно называет его комендантом мятежного Ижевска в 1918 г. Сохранившиеся документы штаба повстанцев содержат иные фамилии.
7. Гордеев Н. Лидер ижевских анархистов.
8. Жечев В. С., Лихвинцев П. Н., Фокин Ф. В., Бабушкин А. С. — видные ижевские большевики.
9. Посаженникова Клавдия. Из рабочей семьи, учительница. Входила в руководство ижевской организации эсеров-максималистов. Казнена повстанцами.
10. Солдатов С. И. Фельдфебель царской службы. Один из руководителей восстания. После гражданской войны — в эмиграции в Китае. И. С. Бойцов ошибочно смешивает руководимый Солдатовым «Союз фронтовиков и увечных воинов» с организацией «Союз солдат-рабочих», который объединял лиц, присланных с фронта на Ижевский завод в годы Первой мировой войны.
11. Ильин И. Г. Ижевский рабочий. Весной 1918 г. перешел от максималистов к большевикам.
12. Матвеев В. А. Рабочий, один из руководителей фракции большевиков в Совете.
13. Шумайлов В. Л., Соковиков Л. А. Рабочие-большевики.
14. Редькин В. А. Ижевский рабочий. В 1917 — начале 1920-х гг. — эсер-максималист, позднее большевик.
15. Савинцев Георгий Алексеевич. Член исполкома Малмыжского уездного совета. Весной 1918 г. — военный комиссар. И. С. Бойцов ошибочно называет его командиром полка. В действительности Вторым Советским

сводным полком Первой дивизии Второй армии Восточного фронта командовал М. Горелов. Савинцев был командиром батальона в этом полку.
16. Броженас В. К. (1897–?), Граблаус Р. А. (1896–?), Тильк М. Ю. (1887—?) либо Я. К. (1882—?) — рабочие Ижевского завода, большевики.
17. Шумайлов Василий. Техник завода, большевик.

ВОСПОМИНАНИЯ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА БОЙЦОВА

I. Дофевральский период.

Родился я в 1893 г., 24 октября ст. стилия в крестьянской семье в деревне Б. Каменка Вельского уезда Тверской губернии, в 40 верстах от ближайшей железнодорожной станции. Железную дорогу увидел впервые 16-ти лет от роду, когда уезжал из деревни на заработки в Ленинград в 1910 г. В Ленинграде я прожил до конца 1915 г., когда был мобилизован, как ратник ополчения 2 разряда, на войну. В Ленинграде я работал 3 года в разных кустарных мастерских и 3 года на Путиловской верфи, на знаменитом «Шустревском» Острове (новая верфь). По мобилизации, был отправлен в Финляндию во 2-й запасный батальон, где пробыл до лета 1916 г. В конце июня (29) был откомандирован, как специалист-котельщик на работу на Ижевские Оружейные заводы, куда прибыл 8 июля 1916 г. и был зачислен на работу в Сталелитейный цех сначала чернорабочим, а затем изложником на мартиновских печах.

II. Февраль и Керенщина.

1) Всю гражданскую войну мне пришлось провести в Ижевске или в его районе. Ижевск — это город, где расположены крупнейшие оружейные заводы, отличился и стал знаменит как своей революционностью, так и своей контрреволюционностью. Это в Ижевске на Оружейных заводах перед Февральской революцией вспыхнула всеобщая забастовка 25000 коллектива рабочих, и около двух недель военные гиганты-заводы стояли запертыми; это в Ижевске в 1918 г. вспыхнуло восстание белых, длившееся ровно 3 месяца и значительно отстрочившее разгром Колчака.

2) На Ижевские заводы было прислано для работы солдат только в 1916 г. свыше 15000 человек. Эти солдаты были в подавляющей массе высококвалифицированными рабочими, преимущественно Петербургских заводов. У нас, например, во 2-м запасном батальоне отбирали для Ижевских заводов не только просто специалистов рабочих, но именно рабочих 3-х Петербургских заводов: Путиловского, Обуховского и Балтийского. Рабочие, хотя бы и квалифицированные, но других заводов или городов не брались. У нас пробу перед отправкой не давали (негде было), но в других частях давали обычно пробу на [с. 1] квалификацию и отправлялись только выдержавшие. Следовательно, эти десятки тысяч солдат, пригнанные на Ижевские заводы, были действительно высококвалифицированными рабочими. А как их встретили там? Просто распределили по цехам даже без опроса квалификации. Возьмем, к примеру, нашу партию. Было нас человек полтора. Выстроили нас в ряд. Подошел штабс-капитан и начал считать с правого фланга: «раз, два, три, четыре — отходи. Направить в сталелитейную». Потом отсчитали 6 человек, послали в Молотовую и т. д. Потом уже в течение многих месяцев пришельцы рассосались по цехам более или менее по своей специальности.

3) Ижевские постоянные рабочие и население, происшедшее из крепостных рабочих и посессионных крестьян, имевший каждый свой дом, свой огород, скотину (корову, а зачастую и лошадь), свои покосы, встретили пришельцев враждебно. Новая многотысячная свежая струя высококвалифицированных рабочих передовых промышленных центров царской России влилась в старую, затхлую, закостеневшую среду Ижевска. В городе, насчитывавшем до 60–70 тысяч населения, не имелось никаких культурных развлечений. Две киношки и один паршивенький театрик «Гражданский Клуб», куда до войны рабочих не допускали, не могли считаться местами культуры. Поэтому неудивительно, что там царствовало хулиганство, пьянство, картежная игра, поножовщина. Я знаю многих в настоящее время ответственных работников, которые не раз бывали избиты и изрезаны ножами до потери сознания³. *Пример: Иван Григорьевич Ильин.*

В праздники, особенно после получки, зимой в домах, в банях, а летом прямо на улице шла картежная игра до следующего рабочего дня бес-

³ Надпись на полях от руки: *Пример: Иван Григорьевич Ильин.*

Дмитриев П. Н., Коробейников А. В., Бойцов В. Э. Воспоминания И. С. Бойцова о подавлении мятежа в Ижевско-Воткинском районе // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: науч.-практ. журнал: Вокруг Ижевско-Воткинского восстания. – 2017. – № 2 (35). – С. 114–150. –
Режим доступа: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=33940

прерывно, а иногда по несколько дней подряд, пока игроки не проигрывались в пух и прах или пока не пропивали за игрой всех своих заработков.

Пьянство, кумышка, самогон, брага, после получки чуть не в каждом доме с утра и до утра, церковные праздники, гулянье на улице и т. д.

Наиболее развитой и активный элемент уходил на охоту, а летом на рыбную ловлю. Хотя летом в праздники в хорошую погоду чуть не все население выезжало на своих лодках в верховье пруда-озера, образуемого плотиной, где шло пьянство до следующего утра.

На завод было не обязательно ходить каждый день. Можно было неделю не являться, никто не беспокоился, но можно было по несколько дней не выходить из завода: туда носили пищу, и рабочий, [с. 2] вздремнув часок-другой под верстаком, опять принимался за работу. И так иногда по несколько суток кряду. Администрация не считала необходимым ежедневное пребывание рабочих на заводе, а считало, чтобы рабочие в месяц сдавали месячную норму. На этой почве местные торговцы, укрывшиеся на завод от войны, никогда не ходили на завод, преспокойно торгуя в своих лавках. Для выполнения же нормы они просто нанимали настоящих рабочих. Месячная норма была настолько низка, что выполнить ее в 10 дней было очень легко.

Патриархальщина была настолько глубока, что любой торговец, кулак, не желавший идти на войну, запросто шел к мастеру с кадушкой меду, теленком, куском ситца, костюмом и становился на работу. Это было настолько в порядке вещей, что даже не скрывалось. И это так въелось в мастеров и десятников, что после революции в течение нескольких лет пришлось вести упорную борьбу с этим злом.

Нужно считать, что из 50000 рабочих тут было несколько тысяч торговцев и кулаков (это вместе с лесничеством).

Все эти условия, диалектически сплетаясь, привели к небывалому в столетней истории завода событию: Военный завод в военное время, на котором работали почти исключительно военнообязанные, объявил величайшую забастовку в первых числах февраля 1917 г. Торговцы и кулаки не могли помешать этому, так как они почти не бывали на заводе, а наймом рабочих еще больше усиливали эксплуатацию настоящих пролетариев.

4) Забастовка началась в Инструментальном цехе из-за расценок. Жизнь дорожала с каждым днем, а расценки не поспевали за жизнью. Руководство забастовкой было в руках большевистской ячейки (подпольной) цеха. В течение 2-х дней забастовал весь завод. Гигантский военный завод, внутри заводских стен которого работало до 50000 человек, замер. Немедленно из Казани были вызваны жандармерия и войска, и началась тоже беспримерная в истории рабочего класса России расправа. Были со-

ставлены списки всего рабочего актива завода по цехам, как местного, так особенно приезжего, и началась ночная охота на обреченных по квартирам. Глубокой ночью врываются жандармы в квартиры, хватали людей прямо с постели и, не давая проститься ни с женой, ни с детьми, полуодетых, бросали прямо в холодные товарные вагоны без отопления, [с. 3] зачастую скованными по двое, запирали сразу на замок. А на улице мороз в это время доходил до 25–30 гр. по Реомюру⁴. Ежедневно таким образом набирали и отправляли в Казань по несколько эшелонов. Таким образом было арестовано и отправлено до 2000 человек. Затем был издан приказ, что все Питерские рабочие снимаются с учета и должны направиться в распоряжение воинских начальников для отправки на фронт. Затем был издан приказ, чтобы все остальные рабочие в назначенный день явились на работу под страхом снятия с учета. Торговцы и кулаки первые явились на завод (на завод, а не на работу — работать они не могли и не умели), а за ними пошли местные рабочие и все остальные. Этими мерами к концу февраля забастовка было сломлена.

(Забастовка началась 12 14 февр. ст. стилия и кончилась 25 27 февр.).

Но не успели арестованные товарищи уехать дальше Казани, (где их должны были судить военным судом), не успели высылаемые Питерские рабочие доехать до фронта, как грянула февральская революция, и все они по требованию Ижевских рабочих были возвращены на завод. (Интересно бы забастовку разработать по документам на месте)⁵.

5) Сведения о февральской революции поступили в Ижевск в первых числах марта. В Ижевске, с населением к этому времени достигшем до 120000 чел., не было газеты. Выходили только бюллетени Генерального Штаба размером в половину печатного листа. О февральской революции узнали только по исчезновению этого бюллетеня вместе с городскими и приставом.

Сейчас же начались митинги, собрания, и работа почти приостановилась. Был выбран первый Совет рабочих депутатов (от 200 рабочих один делегат). Первым председателем первого Совета в Ижевске оказался провокатор Мерзляков, вскоре разоблаченный и расстрелянный. За-

⁴ 31–37 °С

⁵ См. *Коротков Д. С.* Февральская забастовка рабочих Ижевских заводов 17–27 февраля 1917 г. (К 10-летию со дня забастовки). – Ижевск: Издание Ижрайзавкома. – 1927. – 32 с. Книга доступна на сайте НБ УР: http://elibrary.unatlib.org.ru/pdfpreview/bitstream/handle/123456789/5846/udm_book_0616.pdf?sequence=1

тем стали организовывать по цехам комитеты, вызванные в жизнь пересмотром расценок. Общезаводский Комитет был выбран после организации Цеховых Комитетов и в начале состоял из Председателей цеховых комитетов.

Я, как председатель Цехового Комитета Сталелитейной мастерской, вошел в состав Общезаводского Комитета, где был Зам. Председателя Комитета и Зам. Председателя Административной комиссии по управлению заводами впоследствии по самоустранению Начальника завода Я.И. Каневского от должности, им. занимаемой [4].

Первым Председателем Заводского Комитета был меньшевик Перевозчиков, после него левый эссер-максималист Коноваленко, впоследствии перешедший к большевикам. В настоящее время оба отошли от политической работы и работают как технические работники. В первый Совет от нашего цеха были избраны 4 меньшевика (Жданов, Васильев, остальных не помню) и один спец-беспартийный, но уже 4 апреля были произведены перевыборы, и тогда был проведен в Совет, и я, хотя тогда формально еще беспартийный (оформился я в партию 12 апреля в тогда еще общей ячейке большевиков и меньшевиков. Организационное разделение произошло 15 мая, когда из многих тысяч (5000) членов Р.С.Д.Р.П, нас — большевиков — выделилось всего 75 человек).

Ижевск был селом, волостью. Поэтому правительственная власть там была всегда слаба, и городом командовал начальник завода — генерал, самый старший чин в городе.

После революции официальные власти тоже оказались слабыми, а поэтому с первых дней февраля Совет оказался главной властью и силой в городе.

Совет решал буквально все дела в городе и заводе, вплоть до рассмотрения расценок на заводе по отдельным группам и специальностям. Заседания по расценкам были самые многолюдные, по 4–5 дней подряд. Но эта бесконечная говорильня скоро надоела рабочим, и меньшевики и правые эссеры⁶, культивировавшие эту болтологию, скоро стали выходить в тираж.

Ко времени Октябрьской революции власть в городе была целиком и полностью в руках Совета, где плавную роль играли большевики и левые эссеры-максималисты, стоявшие тогда за Советскую власть.

⁶ Так в тексте.

III. Октябрь.

1) Я почти весь октябрь 1917 г. пробыл в Петрограде, сначала на конференции Артиллерийских заводов, затем на Всероссийском съезде фабрично-заводских комитетов. Конференция Артзаводов разбилась на 2 главные группы: рабочая и администрация. Рабочая группа в то же время делилась на большевиков, меньшевиков и эсеров. Администрация — это крупные военные генералы, монархисты-зубры. Что из себя они представляли, показывает следующий случай на Конференции. Рабочей частью был поднят вопрос [с. 5] о том, чтобы администрация заводов не носила военной формы. Тогда генерал Зыбин вышел на трибуну и заявил: «Я скорее уйду из завода, чем сниму эполеты».

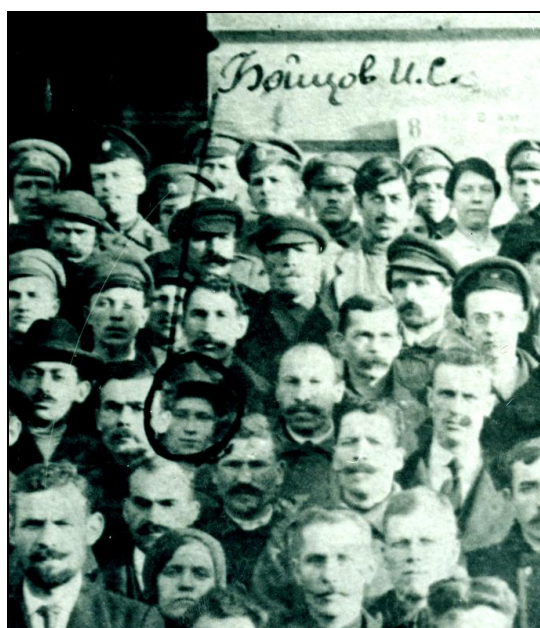
Всероссийская конференция фабрично-заводских комитетов 17 октября в Смольном по докладу Троцкого подавляющим большинством, несмотря на горячие возражения Мартова и других видных меньшевиков и эсеров, вынесла резолюцию, требующую всей власти советам.

Выехал я из Ленинграда 25 октября в 5 час. вечера с Октябрьского вокзала, который уже был захвачен Красной Гвардией. До Казани мы ехали в одном купе: я — большевик, Сосулин — ижевец-меньшевик, член Дооктябрьского ЦИКа, врач из Кронштадта — ярый миллюковец и молодой военный гвардеец. Всю дорогу разговор шел о большевиках. Сосулин «не одобрял» действий большевиков, врач считал их предателями и разрушителями государства, военный всю дорогу молчал.

В Ижевск мы приехали 28 или 29 октября. Здесь еще ничего не было известно об Октябрьской революции. Телеграф не работал, газет не было. И когда приехал со 2 съезда Советов Председатель Горсовета И. Пастухов и привез свежие громадные листы «Известий» и «Правды» с Октябрьскими событиями и составом Совнаркома, мы так и ахнули, хотя в Ижевске, кроме формального роспуска городской думы и официальной замены ее Горсоветом, ничего в фактическом положении не изменилось. Власть была уже давно в руках Совета.

Меньшевики и эсеры немедленно «смылись» из Совета, направив все усилия на подготовку выборов в Учредилку. Большевики и левые эсеры-максималисты принялись организовывать советскую власть. Некоторое время болтались еще анархисты полууголовного типа во главе с Гордеевым, занимавшиеся больше «экспроприациями», чем политической работой, но они скоро были ликвидированы.

Дмитриев П. Н., Коробейников А. В., Бойцов В. Э. Воспоминания И. С. Бойцова о подавлении мятежа в Ижевско-Воткинском районе // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: науч.-практ. журнал: Вокруг Ижевско-Воткинского восстания. – 2017. – № 2 (35). – С. 114–150. – Режим доступа: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=33940

2) Восстание белых против Советской власти.

Восстание белых против Советской власти в Ижевске произошло 8 августа 1918 г. (кстати, о числе 8: 8 сентября 1915 г. я был мобилизован на войну, 8 июля 1916 г. я прибыл в Ижевск, 8 августа 1918 г. произошло восстание белых в Ижевске, 8 ноября 1918 г. Ижевск был занят Советскими войсками, в составе которых находился и я, 8 апреля 1919 г. мы эвакуировали Ижевск под напором Колчака, 8 июня 1919 г. наши войска снова заняли Ижевск) [с. 6]

Чем было вызвано восстание? Ответ довольно трудно дать в кратком, беглом очерке.

Главную роль играли, несомненно, следующие условия:

1) Состав местного населения и крутая его переработка пришельцами — солдатами-рабочими; 2) Нахождение здесь полутора десятков тысяч высококвалифицированных солдат-рабочих; 3) Ликвидация базарной торговли в связи с вводимой продразверсткой без замены каким-либо иным видом торговли и снабжения; 4) Концентрация около 800 человек офицерства (в первые дни было зарегистрировано около 800 чел.); 5) Занятие белыми Казани и 6) Посылка около 1000 чел. большевиков, максималистов красногвардейцев из Ижевска под Казань, когда в Ижевске осталось только 200 чел. вновь набранных красноармейцев.

Восстание началось общим собранием фронтовиков, которые в числе примерно 400–500 чел. обратились к Совету с требованием улучшить их положение. Не удовлетворившись объяснениями председателя Совета т. Пастухова И., они бросились на завод, захватили склады оружия и пошли разгонять Совет. Командир Красной армии Тетерин оказался предателем, загнал 2 роты красноармейцев в речку, где они и были перебиты или захвачены восставшими. Впоследствии Тетерин белыми был назначен комендантом гор. Ижевска.

В течение первых двух дней восставшие захватили город и, захватив ответственных работников-большевиков, предали их мучительной смерти. Были убиты: Жечев, Лихвинцев, Фокин, Бабушкин, Посаженникова.

Председатель Совета, он же председатель комитета большевиков Ижевска И. Пастухов был захвачен в плен и после долгих истязаний (2-месячных) был зарыт живым в землю. Арестовано было свыше 3000 человек, из которых многие были расстреляны белыми, а остальных было дано распоряжение расстрелять в момент отступления. Но успели расстрелять только 29 чел., остальные были освобождены Красной Армией.

Формально восстанием руководил союз фронтовиков (союз солдат-рабочих, присланных с фронта на завод), но фактически с первых дней всю власть захватил военный штаб во главе с полковником Федичкиным. Совет в первое время был сохранен. Комитет союза фронтовиков во главе с председателем Солдатовым играл роль в роде политоргана у восставших. Восстание быстро распространилось, захватив районы Воткинска и Сарапула. Имея своей базой крупный [с. 7] Оружейный завод, восставшие хорошо вооружились и оказывали в течение 3-х месяцев упорное сопротивление советским войскам.

Что такое был союз фронтовиков? Это было нечто вроде профессионального союза, присланных с фронта солдат фронтовиков, вследствие их тяжелого положения в Ижевских условиях. Непосредственной причиной, вызвавшей организацию союза фронтовиков, был приказ Керенского перед июньским наступлением о том, что на военных заводах местным рабочим, которым не надо было выезжать за пределы района, где располагался данный завод, давался 2-х месячный отпуск, тогда как всем остальным рабочим, преимущественно солдатам-фронтовикам, отпуск не давался, так как им надо было выезжать в разные концы России, и, уезжавшие обратно, как правило, не возвращались.

Солдаты-фронтовики, оторванные от семей по несколько лет, страшно возмутились: «Как местным рабочим, торговцам, кулакам, которые все время работали на заводе, жили все время у себя дома с семьями, не были на фронте и им вдруг 2-х месячный отпуск, а нам, оторванным от семей по несколько лет, бывшим на фронте и сейчас живущим как попало и где попало, нам не дают отпуска, чтобы повидаться с семьями!».

Я был тоже солдат-фронтовик, и мне было понятно это настроение. Это так накалило атмосферу, что на пущенный слух о том, что на Михайловской площади созывается митинг солдат-фронтовиков на эту тему, собралось несколько тысяч человек. Организаторы митинга не явились. В порядке самодеятельности я открыл собрание, сделал 3-х часовой доклад о наших обидах, целях и задачах нового общества и т. д. (это был один из немногих моих многословных докладов, которыми я более стараюсь не грешить). Ввиду позднего времени собрание было перенесено на ближайший день в цирк, где было выбрано Правление Союза. Тут большевики совершили крупную ошибку, не взяв под свое руководство это движение, за что впоследствии пришлось жестоко поплатиться. Впоследствии перегруженности (я в то время состоял членом Совета, зам. пред. Завкома, Зам.

Дмитриев П. Н., Коробейников А. В., Бойцов В. Э. Воспоминания И. С. Бойцова о подавлении мятежа в Ижевско-Воткинском районе // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции: науч.-практ. журнал: Вокруг Ижевско-Воткинского восстания. – 2017. – № 2 (35). – С. 114–150. –
Режим доступа: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=33940

Административной комиссии завода) я не вошел в Правление и после уже не интересовался этим обществом, обратив все свое внимание на гигант-завод. В течение года с четвертью с момента организации до восстания это общество претерпело массу изменений и к моменту восстания находилось всецело в руках контрреволюционного офицерства, меньшевиков и правых эсеров. [с. 8]

И. С. Бойцов в 1918 г.

Запутанные отношения солдат-фронтовиков с местным населением, искусственное разделение их приказом Керенского, невнимание советских и партийных организаций к их нуждам, контрреволюционное офицерское руководство создали положение, когда этот Союз стал во главе движения против Советской власти. К этому времени Союз состоял почти целиком из бывших офицеров — солдаты-рабочие почти все разъехались.

Восстание в течение 2-х дней свергло Советскую власть поарестовало и порасстреляло советских и партийных работников (большевиков) и только немногим удалось выбраться оттуда.

3) Я в это время находился в командировке в Москве. Когда мне пришло время возвратиться в Ижевск, то пути сообщения туда были прерваны: Казань была занята чехо-словаками, а в Ярославле было восстание белых. Для определения свободного маршрута я обратился в Главный Штаб Р.К.К.А., тогда помещавшейся где-то в переулке, кажется, в районе Пречистенки. Это было число 12–15 августа. Там меня встретили двое молодых военных, которые на громадной карте отмечали линию фронта. На вопрос, как проехать в Ижевск, они обрадованно ухватились за меня с просьбой указать, где же этот Ижевск находится на карте. Дело в том, что они только что получили телеграмму, кажется, из Штаба 3-й Армии, что Ижевск занят белыми, и как раз были заняты поисками Ижевска.

Я не мог поверить в восстание в Ижевске. Советская власть там еще при Керенском сильно укрепилась, город преимущественно рабочий, в Совет выбирали все рабочие и все население, какое же могло быть там восстание?

Линия фронта находилась за 300–400 километров дальше от Ижевска, как же могли занять его белые? Когда я штабникам показал на Ижевск, то они тоже сочли это сообщение за ошибку телеграфа и снова принялись искать на карте дальше Перми названия, похожего на Ижевск, и общими усилиями обнаружили Пожевский завод, куда и воткнули белый флажок. Мне же сообщили, что через Казань проезда нет, но Ярославль нами занят и можно ехать через него на Вятку. Я так и сделал и в ближайшие дни выехал.

4) В Вятку я прибыл 19 августа. На вокзале я встретил Ижевского продкомиссара И. Г. Ильина, который в сильном волнении рассказал, что в Ижевске произошло восстание, что ему об этом [с. 9] сейчас рассказал

В. Матвеев (редактор Известий Ижевского Совета), только что приехавший оттуда, выбравшийся оттуда во время боя и пробравшийся в Вятку переодетым в лапти и в вотскую одежду. Разыскал т. Матвеева, оказалось все верно. Тут же на вокзале стоял воинский эшелон, направлявшийся на восточный фронт, который было решено отправить на Ижевский фронт. Ильин предложил мне вступить в этот отряд и с отрядом пробиваться в Ижевск. Я согласился. Отряд был, так называемый 8-й Новгородский полк, состоял он из 250–300⁷ (на полях 1000) человек, без орудий при 12 пулеметах.

Командир отряда т. Сурков и комиссар т. Зайцев нас приняли с радостью, так как политработников у них почти не было. Мы тут же разместились в штабном вагоне, и через несколько часов отряд тронулся. Выгрузились на ст. Чепца и пошли походом. Заняли Полом, Дебесы, нигде ни слуху о белых. Двинулись дальше по Воткинской линии на Тыловой. Тут уже влияние белых начинало сказываться. Мы встречали почти пустые деревни: население при нашем продвижении разбегалось по лесам, напуганное белыми, что идут красные и поголовно вырезают население. Так мы дошли до крупного села Шарканы в 30 километрах от Воткинска. Это село считалось последним перегонем перед Воткинском. О белых ничего не могли узнать. Шарканы оказались пустыми. Мы с Ильиным заняли маленькую хатенку чуть не на краю села и утомленные многодневным переходом, уснули как убитые, расположившись, как дома.

5) Первый бой.

Летние ночи короткие. Сон на утренней заре самый крепкий. 4-х дневный переход на свежем воздухе вызвал крепчайший сон. Отсутствие белых не вызвало тревоги. В боях мы никогда не бывали и боевой жизни не знали⁸. Спим и снов не видим. Проснулись мы от частой ружейной пальбы совсем вблизи от нас. Мы вскочили, стали одеваться, умываться, не забыли даже причесаться перед зеркалом, стрельба все ближе и ближе.

Когда мы выбежали на улицу, то чуть светлело, и белые наступали с конца улицы, где мы остановились. Мы побежали на сборный пункт, площадь на середине села. Оказалось, что весь отряд спал так же спокойно, как и мы, и только собирался. Спасли нас от разгрома только храбрые

⁷ Надпись на полях рукописи: 1000.

⁸ Тем не менее, автор называет себя фронтовиком.

пулеметчики, которые были на заставе. Они сидели у пулеметов и строчили по белым до тех пор, пока не вышли все патроны, [с. 10] только после этого они были захвачены и приколоты белыми. Но к этому времени отряд уже успел собраться и повел наступление на белых. После упорного боя, белые были отбиты. Командир отряда т. Сурков верхом на лошади разъезжал по селу и спокойно и четко командовал. Пули свистели кругом, но он не обращал на это никакого внимания. Я вместе с цепью красноармейцев продвигался вдоль стен домов. В это время произошла печальная картина. Один из наших товарищей забежал далеко вперед, почти к краю села и, поднявшись, стал махать нам рукой, чтобы мы скорее шли к нему. В это время красноармеец, лежавший рядом со мной, выстрелил в него и убил наповал. «Что ты делаешь», накинулся я на него. «Я думал, что это белый» — ответил он печально.

Различить нас и белых было трудно: как мы, так и они были или в одинаковой обмундировке или совсем без всякой обмундировки. Правда, в этом сражении на рукавах у белых были повязаны белые тряпки, но различить их даже на довольно близком расстоянии было трудно.

Белые (после упорного боя) были отбиты с большим уроном. В овсе перед нашей заставой лежали десятки трупов, среди них мы нашли одного молодого офицера. Пулеметчики наши работали славно. Пулемет белые не успели увести и мы взяли его обратно.

После того, как белые были отбиты окончательно, мы пошли осматривать поле сражения. Везде валялись трупы, ползали раненые. Раненых мы опрашивали, если он был рабочий, то мы его брали в плен, если не рабочий, то тут же пристреливали из винтовок или наганов (я вот не мог пристрелить ни одного раненого, хотя во время боев по живым бил очень метко). Собирали оружие и патроны.

У офицера вытащили браунинг. Наши потери не превышали 10 человек, у белых было значительно больше. От пленных узнали, что в Воткинске имеются большие силы у белых, что они проводят мобилизацию. Командир не решил с этим отрядом оставаться тут, и было решено отступить за 20 километров в Тыловой, куда двинулись в тот же день. В Тыловае расположились более прочно, стали, укрепляться и ждать подкрепления.

6) Второй бой.

В это время из Дебес сообщили, что там находится Ленинградский Красногвардейский отряд III Интернационала им. Володарского, который пойдет прямо на главный очаг восстания, на Ижевск. Посоветовавшись с командиром и комиссаром отряда 8 Новгородского полка, [с. 11] мы решили перейти в отряд Володарского и сейчас же двинулись в путь. Через день-два мы уже были в отряде Володарского. Командир отряда Путиловский кузнец т. Ступакевич и комиссар т. Рожковский тоже Питерский рабочий нас приняли с удовольствием, как знающих местность, население и условия.

Постояв несколько в Зуре, отряд двинулся в поход; на село Игринское, находящееся от Зуры в 20 километрах. Игринское было занято с боем, белые были выбиты довольно легко. Отряд Володарского состоял из 250–300 человек, имел 2 орудия, 8 пулеметов и взвод забайкальских казаков в 50 человек под командой т. Алексева.

7) Третий бой.

В Игринском расположились на несколько дней. В этом отряде я встретил ижевских товарищей: Шумайлова Владимира и Соковикова Леонида.

Штаб расположился в почтовом доме, а мы довольно далеко от штаба на другом конце села. Зажгли лампу, разговаривали за полночь, а потом, помня Шарканский урок, решили пройти ночевать в штаб.

Рано утром, чуть стало сереть, белые напали на нас. Нажим был сильный. 3-я рота не выдержала и отступила, обнажив самый центр расположения. С большим трудом удалось другим ротам ликвидировать прорыв и разбить белых. 3-я рота, немного оправившись, снова ринулась в бой. Здание штаба, где я находился во время боя, со всех сторон пронизывался пулями. Пули смачно въедались в дерево с одной стороны дома и шлепались в противоположную стену. Было жутко, и я решил пойти в цепь. При выходе из штаба, у самых ворот был выкопан круглый окоп для пулемета, где сидел пулеметчик-матрос. Кругом окопа по краям было разложено до полусотни бомб. «Что же ты один?», — спрашиваю я. «А вот садись вместе, будем вдвоем», — ответил он. Я сел к нему в окопчик. В это время 3-я рота, отступая, пробежала мимо нас, оставив штаб без защиты. Белые двигались по пятам. Стрельба происходила уже у двора штаба. От белых нас отделял только двор. Я испугался. Но в это время матрос

схватил несколько бомб и один за другим сразу бросил их через двор штаба к белым. Пальба на этом участке затихла. 3-я рота, оправившись, снова прошла мимо нас в наступление. Через несколько времени послышалось ура, и белые были сбиты. [с. 12]

Артиллерия у нас безмолвствовала, так как в этих условиях стрелять было нельзя. На этот раз белые оставили одних убитых, унеся раненых с собой. Обходя поле после боя, мы нашли с Вл. Шумайловым одного убитого, сильно похожего на ижевского коммуниста Редькина. У него было широкое скуластое лицо. Он лежал на спине и широкое лицо так и глядело на нас. Когда мы его повернули, то оказалось, что у него череп был треснувшим с маковки до шеи, и при падении кости разошлись в обе стороны, и получилось двойной ширины лицо. Когда мы сложили кости, то лицо оказалось самым обыкновенным белогвардейским лицом. Потери как у нас, так и у белых, были невелики, несмотря на неожиданность нападения и жаркий бой.

8) Четвертый бой.

Через несколько дней мы двинулись вперед на село Чутырь. Дойдя без всякой помехи на 2 километра от Чутыря мы установили артиллерию и, дав пехоте-цепям дойти да полкилометра от Чутыря, открыли огонь. С этого места весь Чутырь был как на ладони.

Первый же снаряд попал в здание волостного правления, где помещался штаб белых. Они в это время как раз обедали. Так как выстрелы с нашей стороны следовали один за другим из двух орудий, пехота с Урой⁹ бежала на Чутырь уже около Чутыря, белые бежали стремглав, почти не оказав сопротивления. Наступление наших цепей шло столь стремительным (около километра бегом), что я, находясь в цепи, задохся и отстал у самого Чутыря, еле добравшись до села несколько десятков сажен. Чутырь был занят блестяще, но не менее «блестяще» мы бежали впоследствии из него.

Штаб разместился в поповском доме (попы бежали), а я с товарищами у одного старика со старухой недалеко от штаба и близко к концу села в сторону неприятеля. Тут мы стояли неделю или две.

⁹ То есть с криком «УРА!»

9) Пятый бой.

Позиция Чутырь самая неудачная. Расположено село в низине вдоль речки; за речкой кустарник, переходящий в лес в сторону неприятеля. Неприятель мог подойти незамеченным до самого села и расположиться вдоль села от конца до конца, чем белые и воспользовались. Местность в сторону неприятеля в другую сторону в лоб, была открытым полем и высоко поднималась. В километре от села был густой лес, и с этого места можно было нас бить на выбор. [с. 13]

Дело было в какой-то торжественный престольный праздник, повидимому Рождество Богородицы, т. е, около 20 сентября. Дня за 2 до этого приехал в Чутырь один из ижевских рабочих, рабочий инструментального цеха Бабушкин с запиской от Вл. Шумайлова, который в это время находился в 8 новгородском полку в селе Тыловой. Этот Бабушкин ехал из Перми в Ижевск. Мы его приняли к себе и считали вполне своим. Отговорили его ехать в Ижевск, и он с нами согласился. Он прожил с нами два дня, но в ночь под сражение исчез. На другой день, когда белые повели наступление, они сразу стали бить из орудия по зданиям, занятыми штабом, нами и другим руководящим составом отряда, а равно и по нашей артиллерии, которая вследствие этого на этой позиции не могла дать ни одного выстрела и вынуждена была менять позицию во время боя. Из этого мы заключили, что Бабушкин оказался предателем, все у нас высмотрел и передал белым.

Против обыкновения белые на этот раз повели наступление часов в 10 утра. Я помню, как наши старики торжественно приготовили праздничный завтрак (мы за все платили хорошо наличными и ели с ними вместе). Мы сели за стол, но не успели приступить к завтраку, как раздался отдаленный гул орудийного выстрела и затем над нашими головами загудел снаряд и ударился в здание штаба. Мы как были, схватив кепки и оружие, выскочили на улицу (погода была солнечная и теплая) и побежали в цепь через огород.

В это время прогудел второй снаряд и упал в нескольких шагах от нас в огороде, следующий упал рядом в огород, и затем снаряды стали сыпаться на этой площадке через каждые несколько секунд.

Наша батарея стояла в 2–3-х домах от нас ближе к белым. Вследствие разрывающихся кругом снарядов она вынуждена была сняться с позиции и уехать за село. На это потребовалось (до установки на новой позиции) примерно полчаса.

За это время поднялась сильная пулеметная и ружейная пальба, как по нашей заставе у моста через речку, так в четверти километра от Чутыря, так и вдоль всего села из-за речки из кустарника. Мы оказались под перекрестным огнем. Кроме этого под обстрелом оказалось все село и все наши пути сообщения. Я успел добежать в нашу цепь налево вперед от Чутыря на пригорок. Снаряды белых над нашими головами так и гудели непрерывно.

Застава наша, у речки была сбита и отступила, караулы наши вдоль речки были сбиты, батарея наша молчала, а белые обстреливали [с. 14] село из-за речки из-за нескольких десятков шагов, будучи сами невидимы.

Село раскинулось примерно на полкилометра и белые по кустарнику дошли уже до другого конца села, и пальба была слышна далеко в тылу. Все это вместе взятое создало невероятную панику и цепь наша, находившаяся в открытом поле побежала. Я лежал в цепи рядом с комиссаром отряда В. Рожковским. Все наши усилия удержать цепь не привели ни к чему и нам пришлось с ним отступать за цепью. Отступали мы под перекрестным огнем по полю вдоль села, а белые уже из-за речки занимали село.

Как я уже говорил, погода была солнечная и теплая, но до этого дня все время шли дожди, а поле, по которому мы отступали, было свежее вспаханое и состояло из глинистого чернозема. Земля прилипала пудами к ногам. Белые, заняв село и огороды в нашу сторону, обстреливали нас со всех сторон. Пули кругом так и жужжали. Я отстал от своей цепи сажень на 50–60. Какой то красногвардеец даже принял меня за белого, преследующего их, и стал меня обстреливать. Только когда я стал махать ему кепкой, он перестал. Как ни бежали мы быстро по этой вязкой тине, все же мы отстреливались от белых: повернемся, выстрелим и опять бежим. Я подобрал ящик с пулеметной лентой, донес его до реки и, не в силах нести дальше, бросил в омут.

Когда я поднимался на другой берег речки, пули так и щелкали около меня. Цепь наша была уже далеко впереди, беспорядочно бежала и уже не отстреливалась. Я отставал, выстрелил остальные патроны в белых и побрел к шоссе. Сил не было никаких и весь я был мокрый от пота. Наша артиллерия за все время боя дала только два выстрела и вынуждена была снова менять позицию. Остановилась она только в 2 километрах от села, откуда дала 4 выстрела по Чутырю, уже занятому белыми и снова отступила. Комиссар Рожковский нагнал свою артиллерию только в Игринском, т. е. за 20 километров.

Белые, смущенные неожиданной и невиданной победой, нас не преследовали. Поражение наше было полное и безоговорочное. Паника достигла высшего предела. Были брошены в селе обозы, 4000 шт. ручных бомб, сотни снарядов, сотни ящиков патронов, 6 пулеметов. Когда я дошел до шоссе, примерно в километре за Чутырем, то никакого следа нашего отряда уже не видно было. Брели только несколько отставших красногвардейцев. Отступление было настолько поспешное, что в одном месте я видел брошенную [с. 15] снарядную двуколку с обрезанными постромками. Было уже за полдень, когда я добрался до ближайшей деревни и попросил у крестьян попить и поесть, Изнеможение было полное. Только к вечеру я добрался до Игринского, где собралось все, что осталось от отряда. Меня считали уже погибшим. Но оказалось, что в людском составе потерь было немного, но моральное состояние было никудышное. Уже несколько часов командир и подъехавший затем комиссар уговаривали красногвардейцев остановиться и укрепиться в Игринском. Красногвардейцы и слушать не хотели и требовали дальнейшего отступления на Бурю.

Только я успел несколько оправиться, как раздалась пулеметная стрельба. Весь отряд сейчас же в панике схватился с места и, погоняя крестьянских лошадей, которые уже были припасены, двинулись к Зуре. Я еле успел вскочить на одну из последних телег. Впоследствии оказалось, что появилась разведка белых и не со стороны Чутыря, а со стороны Зятцев и стрельбу по ним открыл наш караул с колокольни церкви в Игринском. Ночью доехали до Зуры. 40 километров отдули за день. Как доехали, добрались до старых квартир, так и ткнулись, кто в чем был и куда попал.

Как впоследствии мы узнали, отряд белых, хотя численно и превосходил нас, но вооружен он был несравненно хуже нашего. У нас было два орудия, у них одна горная скорострелка, которой они заставили замолчать и нашу артиллерию и навели такую панику. Снарядов, говорят, у них было только 30 шт. Пулеметов было 1 или 2, а у нас 12. Поражение на панику — одно из характернейших явлений гражданской войны первого красногвардейско-партизанского периода.

10) Стоянка в Зуре.

В Зуре мы стояли недели 2 или 3. За это время белые сделали только одну попытку нападения на нас, но были отбиты артиллерийским огнем.

За это время отряд отдохнул, получил подкрепление, снабжение, снаряды, пулеметы. Перед новым наступлением в начале октября был получен приказ о переводе отряда из Красногвардейского положения в армейское. Поднялся ропот. Было собрано общее собрание всего отряда. 2 часа комиссар Рожковский уговаривал красногвардейцев принять новое положение. Значительное количество и слышать не хотело. В это время кончался их срок [с. 16] службы в Красной Гвардии (они поступили на 6 месяцев), а поэтому требовали отпуска по домам. Два дня длилась канитель, пока более или менее утихомирили и заставили принять новое положение. Но несколько человек все таки сбежало. После этих событий был отозван командир отряда т. Ступакевич и заменен б/офицером, кажется штабс-капитаном, Лунцем (Лунц или Лунс)¹⁰.

За время стоянки мы с т. Соковиковым успели съездить в Пермь на Уральский съезд комсомола. Стояли мы в доме местного дьякона-вотяка, который верил в христианскую религию не больше, чем остальные вотяки.

11) За это время стоит упомянуть о следующем событии.

В 9 километрах от Зуры в одной деревне (названия не помню) стояла застава белых и один кулак их обслуживал и шпионил.

Было решено арестовать этого кулака, и штаб поручил это мне вместе с Зуринским военным комиссаром, молодым комсомольцем. Взяли мы подводу и поехали ночью через реку вброд немного ниже мельницы. Приехали мы в деревню поздней ночью. Вся деревня спала. Мы обратились к одному сочувствующему нам крестьянину с просьбой рассказать нам положение и показать нам этого кулака. Он нам рассказал, что белые тут стоят не постоянно, а только наезжают сюда, останавливаются у этого кулака, и что сегодня их нет. Мы пошли к этому кулаку. Нам долго не отпирали, а когда отперли и впустили нас (мы пошли вдвоем без крестьянина), то этого кулака не оказалось дома. Было ясно, что он спрятался, но найти ночью, конечно, невозможно. Так как ночь была холодная, мы здорово иззябли, то решили подождать и что либо придумать. Заказали чай, попили, подзакусили, расположились, но его все нет как нет. Тогда мы решили забрать его жену и троих детей. Поднялся невероятный рев и плач.

¹⁰ Ниже подчеркнутой фамилии написано *неверно* и правее подписано *Нечаев*.

Но мы были неумолимы. Тогда кулак явился сам и согласился ехать с нами. Я заказал подводы и вышел на двор посмотреть все ли готово к отъезду. Только я вышел во двор, как в избе раздался шум и стрельба. Я бросился в избу. Оказалось, что кулак сломал раму, выпрыгнул в окно и убежал в лес, а лес был под окном в нескольких десятках саженей сразу за огородами. Военком выстрелил несколько раз ему в догонку, но попасть не мог. Преследовать было бесцельно, так как ночь была настолько темна, что в нескольких шагах ничего не было видно. Мы забрали жену его и трех детишек и увезли их в Зуру. 3 суток сидели они у нас, но никто не пришел за ними, и пришлось их выпустить. Так, можно сказать, мы и упустили кулака. [с. 17]

12) Новые бои.

Наконец, мы снова пошли в наступление на Игринское и заняли его с боем. Немного отдохнув, пошли на Чутырь и тоже заняли его с боем. Но на этот раз мы там простояли довольно долго, пожалуй, неделю или больше. Белые пытались нас снова сбить, но на этот раз они пошли в наступление в лоб и со стороны Сосновки, тем разделив свои силы. Мы сначала разбили Сосновскую группу, а затем и группу, наступавшую в лоб. Бой длился с полдня. Больше нас белые в Чутыре не тревожили за исключением разведки.

13) Шла подготовка к наступлению на Якшур-Бодью в 30 километрах от Чутыря. Там были крупные силы белых. Якшур-Бодья — это последнее населенное место перед Ижевском. Дальше на 40 километров до самого Ижевска тянулся сплошной дремучий лес, через который пролегала одна дорога — шоссе. На середине леса между Ижевском и Як-Бодьей стояло несколько домов: лесной кордон и извозчичья-ямская станция. Поэтому Як-Бодью белые охраняли особенно сильно. Кроме этого здесь у них была база, откуда они рассылали отряды в Чутырь, Пушкарево, Лозу и еще в несколько мест. Накануне наступления решено было сделать глубокую сильную разведку. Взвод казаков был направлен в Лозу, где стояла рота белых.

Взвод полным галопом под командой начальника взвода т. Алексева, въехал в Лозу, открыл пальбу и забросал штаб белых ручными бомбами. Белые в панике бежали, кто в чем был. Но тут случилось несчастье. Одна из наших бомб-бутылок при бросании упала под лошадь Алексева.

Лошадь была убита, Алексеев ранен. Но белые уже больше в Лозу не возвращались.

14) Другая разведка была послана по главному шоссе на Як-Бодью с нашими рукописными воззваниями. Дело в том, что в рядах белых было много насильно мобилизованных рабочих, которые боялись переходить к нам только потому, что тогда пленных частенько расстреливали, а белые это раздули в поголовное истребление сдающихся. Нас же, т. е. меня, Вл. Шумайлова, И. Ильина, Л. Соковикува, в Ижевске почти все знали и нам верили. В последнее время поступил строжайший приказ пленных не расстреливать.

Мы от руки написали несколько десятков воззваний (перепечатать было не на чем) с предложением переходить к нам и подписались (подписи наши были там известны). [с. 18]

Эти воззвания вместе с приказом о нерасстреле пленных эта разведка должна была разбросать по этой дороге возможно дальше. Разведка это выполнила с успехом. Что вышло из этого мы дальше увидим.

15) Третьей разведке, в составе которой находился и я, было поручено прощупать деревню Пушкарево (или Тылошур, точно не помню) (Черепаново?) в пяти километрах от Чутыря, где по нашим сведениям стояла рота белых. Нас было 24 человека. Мы взяли одну подводку, погрузили на нее пулемет-максима и поехали.

Дойдя до поля, мы увидели, что деревня лежит внизу у речки, с 3-х сторон голые высокие поля, а с четвертой, с левой стороны, деревня примыкает к лесу. Мы оставили пулемет в лесу с наказом, что как только мы откроем стрельбу, то чтобы они подъехали возможно ближе к деревне и тоже открывали бы стрельбу. Сами же пошли лесом, чтобы подойти к деревне со стороны леса. Надо было пройти километра полтора-два. Но перед деревней лес перешел в топкое болото, так, наверное, сажень сто, за ней речка, за речкой деревня. Мы пошли по болоту, прыгая с кочки на кочку.

А кто на кочку не попадал, так завязал выше колена и приходилось уже такого товарища вытаскивать. Я два раза так застревал и меня вытаскивали. Эти сто сажень мы прошли больше часа. Через речку прямо вброд цепью. Я попал на какой-то омут и пришлось по пояс брести в воде. Перейдя речку, мы попали в деревню. Было тут всего 20–30 сажень. Когда

подползли к деревне, то солнце уже село и никого в деревне не было видно, только на одном гумне шла молотьба. Мы встали и спокойно стали входить в деревню. Но перед этим мы весь отряд разбили на 3 группы по 8 человек. Одну послали обходить деревню слева, другую справа, а я с семью товарищами пошел прямо в деревню, несколько помешкав, чтобы товарищи могли более или менее далеко зайти в обход деревни.

Когда мы, 8 человек, стали подходить к деревне, из крайней избы вышли двое белых-караульных с винтовками. Мы открыли по ним огонь. Они побежали вдоль деревни. Сразу же с двух сторон наши товарищи тоже открыли частый огонь. Получилось впечатление, что деревня окружена большими силами. Белые кто в чем (а многие уже спали), в нижнем белье выскакивали и бежали кто куда. Действительно, их была целая рота свыше ста человек и с пулеметом. [с. 19]

Когда белые только выбрались из другого конца деревни в поле, как подоспел наш пулемет и начал частить по ним как раз им в фланг. Паника еще усилилась, и они стремглав добежали до леса. Так как уже почти стемнело, то мы в деревню не вошли, а поспешили вернуться в Чутырь.

16) Взятие Якшур-Бодьи.

Эти глубокие разведки по трем направлениям с удачными боями сослужили нам великую службу в нашем наступлении, которое началось на другой день рано утром на Якшур-Бодью. 25 километров мы прошли, не встретив ни одного белого. В 3-х деревнях, где вчера еще стояли по роте белых, нам крестьяне рассказывали, что ночью белые поспешно вскакивали и, бросая все, бежали по направлению к Як-Бодье. Крестьяне собрали массу шинелей, винтовок, патронов и сдавали нам. Впоследствии мы узнали, что эту панику на них навели наши глубокие разведки, и беглецы-белые из Лозы и Пушкарева. Они вообразили, что громадные силы красных на большом фронте тучей движутся на них. Фронт Лоза, Чутырь-Пушкарево действительно был на 20 километров, а сил у нас к этому времени человек 400 (нам прислали роту на подмогу), да приехала к нам в это время комиссар дивизии т. Азарх. Только около деревни Чикерской белые оказали сопротивление, были быстро сбиты. Не удалось им удержаться и у деревни Якшур. А так как весь отряд рассыпался в редкую цепь, заняв место чуть не полтора километра, орудия с высокой горы за Чикерским били Чикерское, Якшур и Як-Бодью по выбору и беспрестанно, то у белых создалось действительно впечатление о мощном кулаке у красных. Но

особенно упорное сопротивление белые оказали у Як-Бодьи. Их орудие (трехдюймовка), поставленное на краю деревни, било по нашим цепям прямой наводкой. Снаряды так и ложились у наших цепей. Примерно на четверть километра они подпустили нас к себе и только после этого снялись и уехали.

Во время этого боя я был в дозоре и шел впереди цепи. Когда мы вместе с 3-мя другими дозорными подошли к Як-Бодье, то белые снимались с позиции. Мы открыли ружейный огонь, но войти в село не могли, так как в это время наша батарея нащупала орудие противника и стала этот конец села осыпать снарядами. Подошла наша цепь, белые уже ушли, а наша батарея продолжала крыть Як-Бодью снарядами. Только тогда, когда кто-то из наших, взяв подводу, [с. 20] поскакал до батареи, она замолчала. Мы вошли в Як-Бодью. Белые так поспешно отступали, что оставили даже снаряды нам, успев увезти только орудие. Як-Бодья была занята. Это было примерно в середине октября. Когда мы вошли в Як-Бодью, то крестьяне нам сказали, что в деревне Вожильской, в 4-х километрах от Як-Бодьи, вправо в бок стоит рота белых. Наш командир артиллерии, хороший неводчик (фамилия у него украинская — забыл) навел орудие и выпустил через лес два снаряда.

17) Стоянка в Якшур-Бодье и налеты на белых.

Так как Я-Бодья стоит у самого леса, то мы решили сразу же хорошенько его укрепить, вырыв кругом его окопы. Для этого надо было мобилизовать окрестное население. Мне вместе с 7 другими товарищами было поручено мобилизовать крестьян д. Вожольской. Мы отправились, как только стемнело, несмотря на утомление, вызванное 30-километровым походом и 3 боями.

Ночь была светлая, лунная. Мы ехали на 2-х подводах. Подъехав к деревне, мы стали стучаться в крайний дом. На наш стук вышел крестьянин, который объяснил нам, что днем здесь была рота белых, но красные стали стрелять из пушек, так что два снаряда упали в пруд на середине деревни, то белые испугались и убежали на ст. Узгинскую. Мы собрали мужиков и на заре двинулись в Я-Бодью. После мы узнали, что не больше, как через час, рота белых снова вернулась и заняла деревню. Так что мы избежали столкновения с ротой очень счастливо.

В течение 2-х дней Я-Бодья была укреплена неприступно.

18) Так как на ст. Узгинской у белых были небольшие силы 1–2 роты, то было решено совершить туда налет. Выделили половину отряда с одним орудием и двинулись в путь. В деревне Вожольской или в какой-другой, точно не помню, мы захватили заставу белых во главе с видным левым эссером-максималистом¹¹. Я снова шел в дозоре. Дорога от этой деревни все время шла по лесу по свежесрубленной делянке-просеке, а затем просто по лесу. Мы двигались безостановочно до самой Узгинской.

Перед Узгинской, когда мы проходили поперек одной делянки, вырубленной, нас вдруг окликнули: «Кто идет?». Я взглянул, и в шагах 15–20 от нас лежала застава белых. Я только успел крикнуть своим «ложись», как загремели выстрелы со стороны белых. Нас было 4 человека. Одного ранили в руку и у него винтовка выпала. У меня пуля попала в ствол винтовки, [с. 21] пробила одну стенку и согнула ствол чуть не под прямым углом. Но делать нечего, надо было стрелять. Приткнувшись за пни, мы открыли частый огонь по белым, они отвечали, и завязалась целая баталлия. Я тоже стрелял, хотя пули летели в бок. Важно было в этот момент стрелять и напугать белых. А наша разведка отстала от нас довольно далеко. Когда она прибежала, то мы закладывали уже по 3-й пачке патронов¹². Когда прибежала наша разведка, и я крикнул ей брать влево по дорожке в обход, белые моментально смылись, тут же в нескольких десятках саженей была и станция. Когда мы вошли, там уже никого не было. Установив орудие, мы дали несколько выстрелов на ст. Чур и пошли обратно.

Наступила ночь. Стал накрапывать мелкий дождь. Темень была такая, что на подводе не видно было ни подводчика, ни лошади. Мы сначала пытались найти свою подводу, а потом взяли, какая попалась, и поехали. Но по пням было ехать почти невозможно. Мы плюнули на лошадь и на подводчика и двинулись по просеке пешком, направляя путь по полоске неба. Когда мы дошли до Вожольской, то были так измучены, что зашли в первую попавшуюся хату, залезли на полати вместе с винтовками и заснули, как убитые. Проснулись на другой день около полудня. В деревне никого из наших не было. Мы подзакусили и пошли в Як-Бодью. За время пребывания в Як-Бодье белые тревожили нас только разведкой. Крупные силы нас не трогали: белым было не до нас. На них сильно нажимали с

¹¹ Возможно, опечатка: эсеры-максималисты были противниками большевиков в период данного восстания.

¹² То есть по третьей обойме из 5 патронов.

юга со стороны Агрызи 28 дивизия Азина. Наш отряд входил в состав особой Вятской дивизии, штаб которой находился в Дебесах. Дивизией командовал т. Малыгин, комиссаром была т. Азарх.

Через несколько дней по прибытии в Як-Бодью наш отряд им. Володарского был направлен по направлению к Сосновке, которую он вскоре и занял после упорных боев. Меня с товарищами ижевцами перевели во 2-й Советский полк под командой т. Савинцева, который только пришел в Як-Бодью на смену Володарского и шел дальше на Ижевск. Савинцев был молодой энергичный, очень храбрый командир, но в политике он не понимал ничего. Уже после получения приказа о нерасстреле пленных, он их расстреливал, если брал в бою. Об этом мною будет рассказано.

18) Мы еле его уговорили на следующее мероприятие по разложению белых. Я уже упоминал выше, что мы разбрасывали рукописные воззвания, предлагая рабочим и крестьянам белой армии переходить к нам. [с. 22]

Когда мы дошли до Я-Бодьи, то здесь мы уже встретили своих сослуживцев по лесничеству: объездчиков, лесников, кладовщиков и т. д. Террор белых по мере прихода их конца, усиливался.

Мне сослуживцы рассказали, а рабочие лесорубы, старики, местные крестьяне, меня лично знавшие, это подтверждали, что если бы белые были уверены, что их не расстреливают при переходе к нам, то они стали бы переходить к нам массами. А эти старики говорили неспроста: у них в рядах белых были мобилизованы сыновья, зятья, родственники и т. д. Мы договорились с политотделом, с т. Савинцевым ? и издали рукописную прокламацию за подписями ижевцев: Шумайлова Вл., Соковикова Л., Ильина И. и меня, в которой обещали помилование всем перешедшим к нам с оружием. Прокламации эти роздали местным крестьянам. На другой же день стали приходиться сдаваться белые. Едет отец, везет для нашего полка воз сена, рядом идет его сын-белый, а в сене оружие припрятано: везут сдавать нам. Мы сначала стали комплектовать из перебежчиков комендантскую команду, которая во все время нашего пребывания в Як-Бодье несла очень исправно свои обязанности. Когда же слух разошелся повсюду, что действительно перебежчиков не расстреливают, то белые стали перебегать к нам десятками в день. Мы не знали, что с ними делать. Наконец, решили распустить их по домам. Когда же об этом слух разошелся повсюду, то перебежчики стали являться к нам сотнями. Учета пе-

ребезчикам мы не вели, но за неделю, что мы стояли в Я-Бодье к нам перебежало свыше несколько тысяч человек¹³.

19) Занятие Вожойки.

Кольцо красных войск вокруг белого Ижевска сжималось. Было решено к Октябрьской годовщине его взять. Упорные бои между главными силами белых и дивизией т. Азина происходили под ст. Агрызь, в 30 километрах к югу от Ижевска. В конце октября нам было приказано занять лесной кордон Вожойку, находящуюся в 20 километрах от Ижевска. Рано утром на другой день выступили в поход. До реки Ижа километров 15 шли спокойно, но на этой реке у белых были сильные укрепления и они тут оказали упорное сопротивление. Да и наступать тут было трудно: кустарник-ивняк на речке был настолько густой, что мы еле [с. 23] продирались сквозь. Но когда мы продрались и перешли на другой берег (белым нас не видно было в кустарнике) да гаркнули ура, то белые бежали, бросив винтовки, пулеметы и лошадей.

До реки Ижа я шел в цепи, дальше я пошел в дозоре в составе 4 товарищей, среди которых был и Вл. Шумайлов. Только мы стали подходить к Вожойке и прошли пожарную вышку, как белые открыли по нам сильный ружейный и пулеметный огонь. Мы залегли в ожидании цепи, которая шла по лесу очень медленно. Слыша слабую стрельбу с нашей стороны, белые пошли в атаку, а нас всего четверо, а цепи все еще нет. По счастью, у нас у каждого было за поясом (привязано к поясу) по несколько бомб. Белые же страшно боялись орудийного огня. Мы бросили несколько бомб, которые разорвались с большим треском. Белые задержались и стали отступать. В это время подошла цепь и мы двинулись вперед, в обход Вожойки лесом по болоту, слева. Когда мы слева близко подошли к белым, я решил бросить бомбу-бутылку. Она запуталась в густом кустарнике и упала обратно к моим ногам. Едва я успел ткнуться в грязь болота, как бомба разорвалась, обдав меня всего грязью. Но к счастью я даже не был ранен. Вскоре мы начали окружать белых, и они отступили. В Вожойке 4 дома. Место она занимает так примерно с полга, а кругом густой непроходимый лес. Разместить тут полк (хотя в этом полку было не более 400 чел. при десятоке пулеметов и 2-х орудиях), да еще с подвод-

¹³ Надпись на полях: *Это было написано в полку им. Володарского. См. прилагаемую копию в конце Б.*

чиками-вотьяками, было трудно. В домах, сараях, на возах, под возами спали вплотную.

Но прежде чем лечь спать, мы сильно укрепили Вожойку: вырыли кругом окопы, разместили орудия и пулеметы, указали каждому его место и уж тогда полегли. Дня два-три белые нас не трогали, не считая стычек разведчиков. Потом мы поймали белого разведчика, которого тут же на болоте без долгих разговоров расстреляли.

20) Бой в Вожойке с белыми ударными татарскими ротами.

На другой день после поимки шпиона, так около полудня, сразу началась частая ружейная и пулеметная стрельба по нас почти со всех сторон из лесу. В это время весь командный состав, в том числе, и я находились в четверти километра от Вожойки на 20-ти саженой пожарной вышке, откуда обозревали необозримые леса и любовались куполом Михайловского Собора в Ижевске. [с. 24]

Пока мы слезали с такой высоты и добежали до места, прошло примерно минут 10–15. За это время наш полк, не имея руководства, смешался под дружным напором белых и начал отступать. Задержалась только артиллерия, бившая белых прямой наводкой на расстоянии 20–30 сажень, да пулеметчики, из которых один у моста через речку (главная наша опора) был уже убит, и пулемет молчал. Общими усилиями, а нас было человек 15, мы построили цепь и снова через лес пошли навстречу белым. Когда я добрался до назначенного мне ранее места в окопе под баней у самой речки, белые уже были на той стороне речки и подбирались к мосту, хотя речка тут была такая, что можно было перепрыгнуть ее в любом месте.

Против меня в сажнях десяти от меня на другом берегу речки, прислонившись к дереву, сидя, стрелял в нас один белый. Из моего карабина на 200 шагов я мог стоя попасть в любой пень. Стрелял, значит, я недурно, и сейчас же взял его на мушку. Раздался выстрел — гляжу, он сидит. Я выстрелил вторично — гляжу, он снова сидит. Пустил я в него всю обойму, а он, черт, все сидит. К войне я привык, чувствовал себя спокойно, стрелял метко, а белый будто смеется надо мной. Плюнул я в сердцах и стал ловить на мушку других. Через некоторое время, когда наша цепь оттеснила белых с флангов и выровняла фронт, раздалось «ура», и мы пошли в атаку. Белые подпустили нас до самой речки (а до речки было 5–6 сажень) и только тут бросились бежать.

Один из белых выскочил из куста прямо перед нашим носом и бросился в лес в кусты: «Стой! Стой!», — кричали мы, но он продолжает бежать легче собаки; мы ему пустили вдогонку несколько выстрелов, но так и не попали, и он убежал. Преследовали мы их, наверное, с километр. Вернувшись, мы стали осматривать поле битвы. Трупы белых лежали кучами по 5 по 10 тел, особенно у мостика. Это славно поработали наши артиллеристы тт. Граблаус, Браженас, Тильк, Агафонов, Копп, которые прямо наводкой на картечь брали белых как раз по этому месту. Поработал славно и пулеметчик у мостика, пока его не убили. Но его место вскоре под градом пуль было занято Василием Шумайловым, к которому на помощь прибежал его брат Вл. Шумайлов. Пулемет оказался грязным, с постоянными задержками, но вдвоем они работали на нем до исхода всех патронов. [с. 25]

Как мы после узнали, на нас напали 4 ударные татарские роты в составе 500–600 человек. Убито было их 156 человек. С нашей стороны, как это ни неправдоподобно, убито было всего 2 человека, которые были тут же на улице и похоронены. Было еще убито много лошадей и крестьян подводчиков, но мы их тогда не считали (некогда было).

Когда мы обходили поле битвы с Вл. Шумайловым и осматривали распростертые тела белых, мы подошли к тому белому, в которого я выпустил пять пуль. Оказалось, что он был мертв, но дерево мешало ему упасть. Эта мысль мне в голову во время боя не пришла. А мысль очень простая.

21) Налет на ст. Чур.

Не помню точно, до нападения белых ударных татарских рот или после нападения, мы совершили смелый налет на ст. Чур, который был занят сильным отрядом белых и оказался далеко у нас в тылу, когда мы заняли Вожойку. Опасность оттуда была велика, и мы решили ее уничтожить. Был выделен сильный отряд с оружием и пулеметами во главе с командиром полка Савинцевым, и в один из холодных осенних дней мы пошли. Это было или в последних числах октября или в первых числах ноября.

От Вожойки до Чура по лесной малоезжей дорожке было свыше 10 километров. Белые действительно держались стойко. Пришлось выкуривать их артиллерийским огнем прямой наводкой (станция лесная, подходили сбоку железной дороги). Когда мы выбили их из станции, они про-

должали сопротивляться за насыпью железной дороги, за поленницами дров. На этот раз я все время был с Савинцевым, как провожатый его по знакомым мне местам.

Но в этой лесной войне хоть в дозоре, хоть в цепи, хоть с командиром все одно: стрелять приходилось одинаково. Когда забрали станцию, к Савинцеву привели одного пленного крестьянина вотяка. Вот дословный допрос Савинцева: — «Ты кто, белый?». — «Да, белый». — «Крестьянин». — «Да, крестьянин». — «Доброволец?». — «Нет, мобилизованный». — «Расстрелять!». Дело было у моста на насыпи. Красноармейцы повели его расстреливать за насыпь.

Дойдя вниз, они приказали ему раздеться и разуться. Одет он был неплохо. Раздевался и разувался он очень медленно, но когда скинул последний сапог, он мигом махнул через речку и бросился бежать. [с. 26]

Раздались выстрелы. Савинцев обернулся и увидел эту картину. «Расстреляю всех, если выпустите!», — крикнул он. Один красноармеец бросил вслед убегающему русскую бомбу. Бомба разорвалась под ногами пленного, и все было кончено.

«Теперь зажигай бараки, станцию и мост», — закричал Савинцев. Я попытался его отговорить от этого дела, на что Савинцев мне вполне резонно ответил: «Оставим станцию, мост и бараки, белые завтра же опять будут здесь и опять будут нам угрожать, а сожжем, им приютиться будет негде». Жаль было великолепных построек, но делать нечего. Пришлось самому поджигать. А когда через несколько дней Ижевск был взят, и меня послали восстанавливать, между прочим, и эту станцию, было тогда вдвойне жаль.

22) Падение Ижевска.

После нашего налета на Чур, белые нас больше не беспокоили, и мы примерно с недельку прожили спокойно. Связь с нашим штабом дивизии прервалась, и мы были в полном неведении, что творится за пределами нашего отряда. А в это время вокруг Ижевска шли горячие бои дивизии Азина с белыми.

Наконец с 8 на 9 ноября ночью мы получили извещение: «Ижевск взят 8 ноября. Предлагается Вам немедленно двинуться туда». 9 ноября, рано утром, мы двинулись в Ижевск и вечером были там. Зашел я на старую квартиру. В первый раз с момента второго занятия Чутыря, т. е. при-

близительно с месяц, снял шинель, винтовку, бомбы и улегся спать. В баню же попал только через 2–3 дня.

10 ноября на общем собрании уцелевших ижевских большевиков был избран членом парткома, коим пробыл бессменно в течение 5-ти лет, т. е. до момента отъезда из Ижевска. Затем Реввоенсоветом 2-й армии был откомандирован для работы на Оружейный завод и назначен членом правления, а затем членом Военревкома Ижевского района. Через 5 месяцев, т. е. 8 апреля 1919 г., эвакуировался вместе с заводом в Москву под напором Колчака.

При приближении красных войск к Ижевску Чусоснабармом¹⁴ был направлен в Ижевск для принятия военных заводов по длиннющему мандату за подписью Л. Красина, куда и прибыл 10 июня, т. е. на 3-й день по занятии н/войсками Ижевска. [с. 27]

Подпись под фото: 1-е Правление Ижевских оружейных заводов после подавления восстания в ноябре 1918 г.

Ф. Л. Мосеев, П. А. Аликин, С. А. Спиридонов,
С. М. Семков, И. Н. Егоров, ?, И. С. Бойцов, Изотов.

¹⁴ Чусоснабарм — Чрезвычайный уполномоченный Совета Труда и Оборона по снабжению армии.

В 1918 г, как член Ревштаба, участвовал в ликвидации организации левых эсеров-максималистов. Это был, если я не ошибаюсь, первый случай подобной ликвидации. После ликвидации их ездил с делегацией ижевцев в Москву для утверждения этого дела.

Во ВЦИКе были у т. Калинина, в Ц.К. ВКП(б) были у т. Крестинского и Стасовой, в ОГПУ у т. Ксенофонтова. С большим трудом, но дело уладили: левым эсерам-максималистам у нас организовать поручили нам не разрешать.

Довольно интересные моменты 2-х кратного восстановления оружейного завода-гиганта, разрушаемого белыми при отступлении, организация, дважды ликвидируемого белыми, советской власти, борьба с кулацкими восстаниями, ликвидация анархистов-уголовников-экспроприаторов, террор белых в Ижевске и многие другие интересные моменты при наличии свободного времени будут освещены дополнительно.

Бойцов И. С.

Член ВКП(б) №

Слушатель Промакадемии им. Сталина

И/У-1932 г. Каникулы.

Примечание: Во время забастовки 12-27/II 1917 г. на заводе работало свыше 40 тыс. чел.

Апрель 1960 г.